

Поэт ТИМУР КИБИРОВ:

Известия - 2006 - 6 стр. - с. 10.

«Молодые не знают, что помимо Петросяна есть Зощенко»

У Тимура Кирилова только что вышел новый сборник «Кара-барас». Об апокалиптическом мировоззрении автора, а также о папе римском, Владимире Путине, Николае I, К.У. Черненко и Оксане Робски с Кириловым поговорила корреспондент «Известий» Наталья Кочеткова.

ИЗВЕСТИЯ: Начну с цитаты из вашего нового сборника: «...хватает мне стыда// в косноязычных интервью// витийствовать всегда// о том, что мир погряз в грехах// И канул без следа!» В каких грехах погряз мир?

ТИМУР КИРИЛОВ: Во всех. Можно перечислять буквально по заповедям.

Я имею в виду некую кризисную величину — не количество отступлений от заповедей, а абсолютное незнание того, что так поступать не очень хорошо. Это становится нормой, а в некоторых случаях даже чем-то безусловно поощряемым.

ИЗВЕСТИЯ: То есть священники, которые ложатся на землю перед входом в концертные залы, где должен выступать Борис Моисеев, и выражают таким образом свой протест, правы? Ведь содомия считается грехом...

КИРИЛОВ: Думаю, это наименее действенный способ. Когда выбирали нового папу римского, то почти все сообщения звучали так: «Он, безусловно, чрезвычайно консервативен, потому что выступает против гомосексуальных браков». Интересно, что бы он был за папа, если бы поддерживал такие браки?..

Можно считать, что наконец-то мы освобождаемся от всех предрассудков и нас ждет прекрасный новый мир. Но мне кажется, это не так. Мы все дальше и дальше уходим от основ нашей культуры и нашей цивилизации. Поскольку я принадлежу именно к этой культуре, меня это несколько не радует, и свои более чем скромные силы я хочу потратить на то, чтобы этот процесс хотя бы сколько-нибудь замедлить.

ИЗВЕСТИЯ: Как противопоставление новому миру в вашем сборнике возникает тема Средневековья и служения Прекрасной даме...

КИРИЛОВ: Средние века, во всяком случае, позднее западноевропейское Средневековье — это расцвет той культуры, которая мне

нравится, которая мне кажется здоровой. Я говорю именно о культуре, а не о социальных установлениях. После этого началось некоторое беснование, которое до сих пор длится и не понятно куда заведет.

ИЗВЕСТИЯ: В одном из стихотворений вы опровергаете сопоставление Путина с Николаем I и Шендеровича или Иртеньева с Чаадаевым. По каким критериям они соотнесены?

КИРИЛОВ: Одна из чрезвычайно распространенных и опасных болезней русской интеллигенции — это навязчивое выстраивание исторических аналогий. Что, безусловно, облегчает жизнь, но не дает посмотреть правде в глаза. Нравится мне Путин или нет, но это не Николай I, а его пламенные противники — не чаадаевцы, как ни относиться к тому же Чаадаеву. Мы имеем дело с некоторой новой реальностью. Не надо использовать те способы осмысления, которые свое отжили.

ИЗВЕСТИЯ: Представить, что вы напишете «Жизнь В.В. Путина», как когда-то «Жизнь К.У. Черненко», невозможно?

КИРИЛОВ: Совершенно невозможно. Черненко был отчасти готовый художественный образ. Никто о нем ничего не знал — в этом была воплощена вся близость поздней советской власти. Путин человек живой, о нем написаны десятки книг. Современные политики не могут быть объектом какого-то лирического высказывания. Даже смешотворно-лирического, каким был для меня Черненко. Публицистика, может быть, историософия, но уж никак не стихи.

ИЗВЕСТИЯ: Вы отвечаете за литературный раздел на радио «Культура». У вас есть какие-то сверхзадачи?

КИРИЛОВ: Мне хочется навязать свое представление о том, что хорошо, что плохо в литературе. Ежедневно в программе «Книжка за книжкой» я это делаю, но подспудно. Вот эту книжку рекомендую, а вот эту нет. Например, я рекомендовал книжку

знаменитого французского историка Ле Гоффа «Средневековая цивилизация», сегодня напишу про недавно переведенную «Краткую историю тракторов по-украински» Левицкой, не рекомендовал одного из этих культовых молодых французов. А самая моя любимая программа, хотя может быть самая сомнительная, это «Стихи по заявкам», где мы с Юлием Гуголевым читаем ровно те стихи, которые нас просят слушатели. Помоему, забавно, когда в течение получаса сталкиваются Бродский с Асадовым, а мы стараемся даже интонационно не показать, что нам что-то нравится, а что-то нет.

ИЗВЕСТИЯ: Чаше всего чьи стихи просят?

КИРИЛОВ: Чаше, конечно, и это можно было ожидать, Серебряный век, Пастернака, Цветаеву. На удивление часто просят современных поэтов, иногда даже совсем молодых. Важно напоминать людям, что эти области существуют. Самое печальное, что у тех, кто подрастает, сознание формируется исключительно телевидением и они не знают, что кроме Петросяна существует Зощенко, что мир гораздо больше и интереснее.

ИЗВЕСТИЯ: А, например, проект Оксаны Робски вы можете сделать темой своей программы?

КИРИЛОВ: На мой взгляд, это проект удачный и остроумный, но к литературе имеющий отношение косвенное. Прибавлять популярности и звона всему этому мне кажется неверным.

ИЗВЕСТИЯ: Разве постмодернизм не отказался от оппозиции элитарное — массовое?

КИРИЛОВ: На мой взгляд, чем жестче мы будем проводить границы, тем устойчивее будет наша жизнь и меньше будет рассыпаться и сползать в болото, где все со всем перемешано. Сколько уютно можно баловаться с отсутствием противопоставления высокой культуры и низкой, но от этого нигде не денешься. Нужно отбросить полуироничные, полужастенчивые улыбочки: «ну что ж, и это интересно», «наверное, и так можно». Да нельзя так! Это глупость. А вот это поумнее. Одно терзает слух, а другое звучит красиво. Человек должен высказывать некоторые смыслы и отвечать за свои слова. И поскольку я высказываю то, во что верю, то мой долг это навязать как можно большему числу людей.

